

УДК 069.4

Статья описывает инициативы ярославской общественности по защите архитектурного наследия, осуществляемые в сотрудничестве с надзорными институтами Российской империи. Рассматриваются эпизоды взаимодействия научного сообщества с различными распорядителями памятников – духовенством, местными властями и частными собственниками. Автор приходит к выводу о существовании системы охраны памятников в Ярославской губернии в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: Ярославская губерния; архитектурное наследие; охрана памятников; научные общества; Императорская археологическая комиссия.

This article describes the Yaroslavl community initiatives for the protection of the architectural heritage in cooperation with the supervisory institutions of the Russian Empire. It deals with interaction of the scientific community with various managers of monuments – the clergy, local authorities and private owners. The author comes to the conclusion about the existence of the system of protection of monuments in the Yaroslavl province in the late XIX – early XX century.

Key words: Yaroslavl province; architectural heritage; maintenance of monuments; scientific societies; Imperial Archaeological Commission.

О. О. Непоспехов

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: nils2908@mail.ru*

Организация охраны памятников архитектуры в Ярославской губернии в конце XIX – начале XX в.

Научная статья

О. О. Nepospekhov

*P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: nils2908@mail.ru*

Organization for Maintenance of Architectural Monuments in the Yaroslavl Province in the Late XIX – Early XX centuries

Scientific article

О появлении интереса к местным древностям в Ярославской губернии можно говорить уже со времени ее учреждения [1, с. 3]. Как первые практические шаги по поддержанию архитектурных памятников прошлого вспомним «возобновление» Дворца угличских удельных князей (Царевича Димитрия), осуществленное в 1802 г. А. В. Кожениковым, и зданий бывшего архиерейского дома (кремля) в Ростове 1861–1866 гг., организованное И. И. Храниловым.

В конце XIX в. охрана памятников приобретает более упорядоченный характер, а неформальные кружки местных любителей древности – институциональные формы. В 1883 г. по распоряжению Императорского Московского археологического общества (ИМАО) деятели просвещенного купечества Ростова и Ярославля А. А. Титов, И. А. Шляков и И. А. Вахромеев, дворянин Д. А. Булатов и город-

ской голова Е. Н. Хомяков образуют Комиссию по возобновлению древних зданий в Кремле города Ростова (далее – РК), избрав почетным председателем губернатора В. Д. Левшина [2]. В ходе восстановления и музеефикации памятников Кремля члены РК всё более осознавали необходимость распространения своей деятельности за пределы его стен. В. Д. Левшин при обозрении «более замечательных памятников церковной древности» в Ростове и уезде поручил И. А. Шлякову описывать и зарисовывать посещенные храмы. Эти описания публиковались на страницах местных губернских ведомостей, а в 1887 г. вышли отдельным изданием [3, с. I–II]. Другой активный участник РК, А. А. Титов, под псевдонимом А. Каоно в 1884 г. издал книгу «От Ростова Великого до Переславля-Залесского». Она имела резонанс и доставила немало хлопот благочинному Переславля-

Залесского, протоиерею А. И. Свирелину (бывшему, кстати, членом ИМАО), вынужденному давать объяснения владимирскому епархиальному начальству [4].

Ярославская губернская ученая комиссия (ЯГУАК), как и ее аналоги в России, была призвана к охране преимущественно письменных памятников. 27 сентября 1895 г. ее члены И. Ф. Баршевский и И. А. Тихомиров предложили организовать «субкомиссию» для «изучения и приведения в известность местных памятников и предметов старины» и «в видах принятия зависящих от комиссии охранительных мер к ограждению этих памятников от нежелательного обращения заведывающих ими» [5, с. 63–66]. С этой целью члены ЯГУАК обратились за разрешением «производить подробный осмотр церквей епархии» к архиепископу Ростовскому и Ярославскому Ионафану. Резолюция Ярославской духовной консистории гласила: «От осмотра церк[овных] древностей в церк[вах] членами Архивной Комиссии собственно для научных целей может быть польза не только для науки, но и для самой церкви вследствие точного определения известной древности, с которыми причты вообще мало знакомы» [5, с. 75]. Однако разрешение это было обставлено условиями, равносильными запрету: о времени и лицах, назначенных для осмотра древностей, необходимо было сообщать консистории «своевременно» для публикации в епархиальных ведомостях. Члены ЯГУАК запрашивали об уступках, но не преуспели в этом [6]. Следует заметить, что ярославцы допускали возможность действовать неофициально и даже находили ее более удобной [5, с. 63–66]. Вероятно, в ряде случаев они так и поступали.

Выявление, изучение, описание, фиксация памятников древности хотя и не привели в рассматриваемый период к созданию их законодательно утвержденного перечня, однако сделали возможным мониторинг их состояния. Придать этой деятельности регулярный характер попытался основатель Ярославского отделения Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины Н. Е. Иваньшин. По его инициативе на заседании Совета отделения 26 октября 1912 г. было решено устраивать осмотры памятников Ярославля каждое воскресенье. По предложению губернского инженера В. П. Новикова первым был назначен осмотр ц. Николая Мокрого. Впоследствии осмотры продолжились, хотя и значительно реже запланированного интервала [7].

Решающее большинство акций местных защитников старины связано с памятниками церковного зодчества. В 1886 г. ИМАО предписывает А. А. Титову и И. А. Шлякову «иметь более строгий и последовательный надзор за памятниками старины как в самом Ростове, так и в окружающей его местности». Поводом для этого стали обнаруженные председателем Общества, графиней П. С. Уваровой, «варварские переделки» в Белогостицком монастыре [8]. Таким образом, ИМАО делегировало Ростовской комиссии часть полномочий по надзору за церковными памятниками, которыми оно, в свою очередь, было наделено имперским законодательством. Определение Синода от 20 декабря / 9 января 1879 г. гласило: «Обязать епархиальные власти, чтобы они не иначе приступали к поправкам, переделкам и уничтожению памятников, как по соглашению с одним из ближайших к месту их нахождения археологическим или историческим обществом» [9, с. 114]. Хотя Высочайшим соизволением от 11 марта 1889 г. право осуществлять надзор за реставрацией «монументальных памятников древности» и было дано государственным учреждениям – Императорской археологической комиссии (ИАК) совместно с Императорской академией художеств – прежние права научных обществ не были отняты. Указанный выше порядок действий при «построении, починке и распространении» «древних церквей» в дореволюционный период принципиально не менялся.

Инициатором обращения в археологические инстанции мог явиться непосредственный организатор работ (староста и причт, настоятель церкви или монастыря), его контролирующий орган – духовная консистория или же строительное отделение губернского правления. В свою очередь, обращение могло быть адресовано как к местным археологам, так и напрямую в ИМАО или ИАК.

На практике некоторые работы проходили без ведения даже епархиального начальства, как вышло, например, при разборке «грозившаго падением» накатного потолка в Благовещенской церкви Ростовского Борисоглебского монастыря [10]. Некоторые работы епархиальное начальство пыталось скрыть от археологов. При обнаружении остатков пещерного храма при переустройстве пола в Ростовском Успенском соборе летом 1884 г. архиепископ Ионафан запрашивал обер-прокурора Синода: «Как поступать мне, в случае заявления каких-либо требований, могущих быть со стороны археологического общества? ибо и секретныя мои

работы не могли быть вполне скрыты» [11]. Скрыть находку от ростовских археологов действительно не удалось, и Синод 11 июля 1884 г. «признал возможным удовлетворить благочестивому их стремлению: реставрировать придел Святителя Леонтия в прежнем его виде <...> естли только они имеют, или изыщут, для выполнения сего Св. дела достаточныя средства» [12].

Иногда епархиальное начальство или сами инициаторы работ – причты и старосты приходских церквей, настоятели монастырей – обращались за утверждением проекта только в строительное отделение местного губернского правления. Так случилось, в частности, при строительстве каменного здания для торговых лавок при уже упомянутом Борисоглебском монастыре. 7 марта 1905 г. настоятель представил план на постройку, и строительное отделение постановило «план одобрить и просимую постройку лавок разрешить» [13]. Осуществление постройки привело к серьезному разбирательству, в ходе которого выявились и предшествовавшие нарушения.

Какие были возможности у местных защитников старины в случае нарушения установленного порядка? Они уведомляли инстанции, могущие вмешаться в ход незаконных работ, а также снабжали всей необходимой информацией (данные фотофиксации, исторические справки и т. п.). Так, узнав из анонимного письма об инциденте в Борисоглебском монастыре и убедившись на месте в справедливости изложенных в письме сведений, члены РК сообщили о случившемся преосвященному Иакову и в ИМАО [14]. Уже 24 мая 1906 г. ИМАО уведомило ростовцев, что с его стороны уже было «сделано распоряжение». Работы по пробивке дверей в стенах Борисоглебского монастыря приостановлены. Сделан запрос о фото съемке разрушенных частей здания [15, с. 43–44]. В дело вмешалась и ИАК, обратившаяся в Синод с попыткой инициировать разборку всех поздних пристроек, искажающих облик монастыря [16, с. 38]. Между тем настоятель, начавший работы, скончался, а его преемник отказался сносить новостройки, оправдываясь тяжелым материальным положением обителю [17].

Напротив, защита Ростовской земляной крепости 1632 г., находящейся в городском ведении, была исключительно эффективной. В 1889 г. члены РК инициировали постановление городской думы об охране вала, как памятника древностей. В 1899 г. через обращение к ярославскому губернатору

удалось добиться запрещения постройки у самого вала хозяйственных построек, а также предписано было «и впредь охранять от обкопов и заездов городской земляной вал» [18]. Для защиты валов члены РК санкционировали посадку деревьев [19].

Сложнее всего было сохранять памятники, находящиеся в частной собственности. В заседании ЯГУАК 8 октября 1898 г. И. А. Тихомиров предложил изыскать способы к сохранению здания дома мещан Дергаловых XVII в. в Романово-Борисоглебске, купленный Товариществом Романовской льняной мануфактуры, «употребив для этого чье-либо влияние». Однако собрание «не нашло удобным применение подобной меры». Председатель ЯГУАК предложил избрать владельца мануфактуры Е. Е. Классена в действительные члены комиссии «как в благодарность за его отзывчивость к начинаниям Комиссии, так и ввиду того, что это избрание, очень возможно, окажет благоприятное влияние на него» [20, с. 16–18] И. А. Тихомиров просил архитектора В. В. Сулова, изучавшего дом в 1880-е гг., обратиться к Товариществу лично или совместно с Академией художеств, Обществом архитекторов, ИАК или ИМАО: «Тогда владельцы дома поймут, что Комиссия говорит небезосновательно и не преувеличивает. Разумеется, настаивания здесь не может быть, а требуется лишь заявление о желательности, просьба о просвещенном содействии, указание на важность значения дома, как памятника зодчества и т. п., мягкая и льстящая самолюбию меры» [21, Л. 1 об. – 2]. Завязалась переписка, в ходе которой ИАК и Е. Е. Классен обменивались любезностями, однако реставрация дома не осуществилась и в итоге он сгорел. И всё же нельзя не признать, что даже эти меры продлили памятнику жизнь. Важно и то, что общая обеспокоенность судьбой дома положила начало плодотворному сотрудничеству ярославцев и петербуржцев. 13 октября 1908 г. ИАК просила И. А. Тихомирова принять на себя труд изучения архитектуры и составление чертежей дома Дергаловых, а в 1909 г. И. А. Тихомиров получил на эти цели от ИАК 20 руб. [21].

При сотрудничестве ИМАО, ИАК и местной общественности осуществлялись многие реставрационные работы в губернии. Приведем лишь некоторые примеры. И. А. Шляков, помимо восстановления Ростовского кремля, принял деятельное участие в реставрациях ярославских церквей Иоанна Предтечи, Ильи Пророка, романовского Крестовоздвиженского собора, угличского Дворца

Царевича Димитрия и др. [22, с. 271–272, 298–299, 356, 393–394]. Исключительную роль во всех реставрациях конца XIX в. сыграли фотографические снимки И. Ф. Барщевского, члена-сотрудника Ростовского музея церковных древностей и ЯГУАК [23, с. 192–195]. Исследования И. А. Тихомирова были востребованы членам ИАК при надзоре за реставрационными работами в Толгском монастыре в 1910-е гг. [24; 25, с. 54–58].

На рубеже XIX – XX в. на территории Ярославской губернии возникают местные научные общества, принявшие на себя заботу о сохранении памятников архитектуры. Члены Ростовской археологической и Ярославской ученой архивной комиссий, Ярославского отделения Общества защиты в России памятников искусства выявляли и описывали памятники, осуществляли мониторинг их состояния, наблюдали за ремонтными работами, а в некоторых случаях участвовали в составлении и реализации реставрационных проектов. Эти действия, отвечавшие законодательству своего времени, ввиду разнообразия и упорядоченности, можно охарактеризовать как функционирующий, хотя и не без проблем, механизм охраны архитектурного наследия. Иными словами, можно говорить о существовании системы охраны памятников применительно к Ярославской губернии в описываемый период.

Ссылки

1. Ярославские краеведы: Библиографический указатель аннотированный / сост. В. П. Алексеев. Ярославль, 1988. Ч. 1. 56 с.
2. Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль» (ГМЗ РК). Архивные документы музея (АДМ) 1. Л. 6–7 об.
3. Шляков И. А. Путевые заметки о памятниках древнерусского церковного зодчества. Ярославль, 1887. 43 с.
4. Заезжий Археолог. Художественный отдел VI-го Археологического съезда // Художественные новости [прил. к журн. «Вестник изящных искусств»]. СПб., 1885. Т. 3, № 2, 15 янв. Стб. 25–30.
5. Труды Ярославской губернской ученой комиссии (ЯГУАК) / под общ. ред. Э. Н. Берендтса. Ярославль, 1900. Кн. 3. Вып. 1. 142 с.
6. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 230. Оп. 5. Д. 3788. Л. 3–3 а, 4–5 об., 9–9 об.
7. ГАЯО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 1.
8. ГМЗ РК. АДМ 32. Л. 11.
9. Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начала XX вв.: сб. док. М., 1997. 400 с.
10. Ростовский филиал ГАЯО (РФ ГАЯО). Ф. 245. Оп. 1. Д. 241. Л. 233 – 233 об.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 54. Отд. 1. Ст. 1. Д. 81. Л. 4 об.
12. ГМЗ РК. АДМ 11. Л. 5–6.
13. ГАЯО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1978. Л. 3.
14. ГМЗ РК. АДМ 196. Л. 32 об. – 34.
15. Древности: Труды Комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского Археологического Общества. М., 1908. Т. 2. 148 с.
16. Известия Императорской археологической комиссии (ИИАК). СПб., 1908. Вып. 26. 181 с.
17. Научный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук (ИИМК РАН). 1900. Д. № 49. Л. 41.
18. ГМЗ РК. АДМ 179. Л. 32.
19. ГМЗ РК. АДМ 59. Л. 68, 69; ГМЗ РК. АДМ 164. Л. 103 об. – 104.
20. Труды ЯГУАК. Ярославль, 1914. Кн. 6, вып. 1. 316 с.
21. ИИМК РАН. 1898. Д. № 257. Л. 1 об. – 2, 15, 19 а.
22. Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации. М., 2002. 528 с.
23. Илларионова Л. И. Ростов Великий в творчестве фотографа И. Ф. Барщевского // История и культура Ростовской земли, 2000: материалы науч. конф. Ростов, 2001. С. 192–195.
24. ИИМК РАН. 1911. Д. № 8. Л. 3-7, 11, 14.
25. ИИАК. СПб., 1912. Вып. 44. 145 с.